

строчки, а целое стихотворное произведение; и через какое-то количество строк наш слух начинает все более ясно ощущать преобладание тех или иных ритмических ходов, причем своеобразие ритма гораздо легче уловить, чем объяснить, потому что эстетическое восприятие еще более интуитивно, чем творчество.

Б. В. Томашевский был теоретически совершенно прав, когда спорил против утверждения А. Белого, что Я4 состоит из двух диподий, т. е. из стоп, соединенных попарно. В самом деле, в I, III, VII формах Я4 нет никакой симметричности, нет и пезуры на 2-й стопе, значит, нельзя говорить о диподийности всего Я4. И в то же время в утверждении А. Белого есть доля истины, но лишь применительно к стиху Пушкина и последующих поэтов XIX в. Тонкий слух поэта-теоретика уловил преобладание симметричных форм стиха.

Прямо противоположен пушкинскому ритм державинского Я4. Асимметричность; второй икт слабее первого (следствие предпочтения III форме); вместо двух волн подъема — одночленность, акцентная выделенность конца и начала стиха.

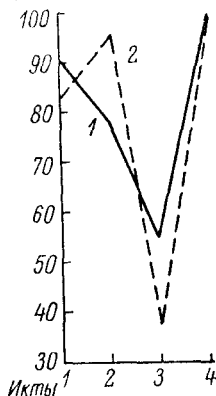

График 5

1 — Державин.

2 — от 20-х гг. XIX в.

Я4 Державина и поэтов от 20-х гг. XIX в.

Мы привыкли воспринимать легкость пушкинского стиха как достоинство и иногда неоправданно переносим такую оценку на поэзию XVIII в. Но легкость стиха в XVIII в. была принадлежностью преимущественно анакреонтики, любовной «песни» и других низких и средних жанров, в которых Я4 встречается реже. Заторможенный, затрудненный, асимметричный ритм (*andante* А. Белого) был в оде достоинством, ибо ода и легкость — две вещи несовместные. Такой ритм находил полное соответствие в высоком стиле оды, определявшемся и лексикой, уснащенной славянизмами, и множеством риторических фигур, и, что для нас особенно существенно, обилием инверсий; все это в совокупности и создавало патетический тон торжественной декламации, тот «язык богов», который противостоял обычным формам речи, «низкому» стилю.

Присмотримся с этой точки зрения к «изомерным ритмам» III формы у Державина. Вот, например, все восемь стихов из «Видения мурзы»: В серебряной своей порфире, Блестаючи с высот, она, И в крепком погружена сне, Лишь веяли одни зephyры, Сошла со облаков жена, На жертвенном она жару, Божественны ее черты, Курение мастик бесценных.

В XIX в. поэт, вероятно, написал бы «В своей серебряной порфире», «Со облаков сошла жена», «Она на жертвенном жару»